

Архиепископ Василий (Кривошеин)

Преподобный Симеон

Новый Богослов

(949-1022)

Оглавление

Предисловие.....	2
Жизнь и личность преподобного Симеона Нового Богослова	4
1. Братолюбивый нищий	4
2. Неистовый ревнитель	9
3. Новый Богослов.....	16

Предисловие

*Не говорите, что невозможно принять Божественный Дух,
Не говорите, что без Него возможно спастись,
Не говорите, что кто-нибудь причастен Ему, сам того не зная,
Не говорите, что Бог невидим людям,
Не говорите, что люди не видят Божественного света
Или что это невозможно в настоящие времена!
Это никогда не бывает невозможным, друзья!
Но очень даже возможно желающим.*

Пр. Симеон Новый Богослов. Гимн 27-ой (125–132).

В православном мире творения пр. Симеона Нового Богослова никогда не были вполне забыты благодаря, главным образом, афонскому монашеству, хотя официальное богословие их игнорировало, да и церковная иерархия относилась к ним сдержанно. Они были впервые изданы в печати, — до тех пор были известны только по рукописям, — в конце XVIII века, но не в подлинном тексте, а в новогреческом переводе, вернее, пересказе Дионисия Загорейского. Перевод этот часто довольно неточен, а главное неполон, так как Дионисий Загорейский опасался, что многое в писаниях пр. Симеона может смутить благочестивого простого читателя, и потому считал себя в праве «цензурировать» святого отца, как относительно стиля, так и относительно содержания. С этого далеко не совершенного и даже тенденциозного перевода Дионисия Загорейского известный подвижник и духовный писатель XIX века епископ Феофан (Говоров) сделал русский перевод, внося и со своей стороны изменения, так что его текст можно было бы назвать пересказом пересказа. Этот перевод епископа Феофана был издан Русским Пантелеймоновым монастырем на Афоне и стал главным источником ознакомления благочестивого русского народа с творениями пр. Симеона. К сожалению, однако, епископ Феофан отказался перевести на русский язык Гимны пр. Симеона, изданные в подлиннике, хотя с большими пропусками, Дионисием, так как находил их слишком возвышенными и тем самым опасными для рядового читателя. Этот пробел был в значительной степени восполнен иеромонахом Пантелеймоном (Успенским), опубликовавшим в 1917 году русский перевод (но не греческий текст) почти всех Гимнов, основываясь на тексте Дионисия, латинском переводе Понтануса (1603) и на некоторых рукописях Святой Горы Афонской. Но последующие события помешали этому изданию получить широкое распространение. Это осторожное и даже сдержанное отношение к творениям пр. Симеона, проявившееся даже у такого духовного писателя, как еп. Феофан, отказавшегося переводить Гимны, еще более характерно для многих иерархов и тем более для профессорской богословской среды и в наше время. Так, совсем недавно профессор богословского факультета в Афинах П. Трембелас, столп греческого консервативного богословия, заявил в изданной им брошюре, что видения света пр. Симеона могут быть объяснены простым напряжением нервов! (Это высказывание проф. Трембеласа вызвало взрыв негодования на Афоне.) С другой стороны, один русский митрополит как-то сказал мне: «Я не переношу Симеона Нового Богослова, он не в моем духе. Несколько раз я пытался его читать, но не смог продолжать». А один греческий митрополит пошел еще дальше. «Кто этот Симеон Новый Богослов, о ком вы мне говорите? — сказал он мне. — Кто он, русский? Вы, русские, всегда выдумываете лиц, о которых никто никогда не слыхал».

Только за самые последние годы (1957–1973) подлинный греческий текст творений пр. Симеона, восстановленный на основании существующих рукописей, был впервые издан на Западе во французском издательстве Sources Chretiennes (Христианские Источники) в девяти томах (десятый том, содержащий Послания пр. Симеона, еще не вышел, но мы смогли использовать эти Послания для нашей работы). Издание Sources Chretiennes полностью охватывает все действительно принадлежащие

пр. Симеону писания и таким образом впервые дает возможность научно-богословского изучения его творений и даже правильного и целостного понимания его личности и духовного учения. Естественно, что на Западе это издание, в котором греческий текст сопровождается французским переводом и обширными комментариями, вызвало интерес к пр. Симеону, известному до этого на Западе почти исключительно в узких кругах византологов, он стал входить в «моду», его стали читать, с разным успехом, в католических монастырях, но в общем эта духовная пища не всегда оказывалась по зубам современному западному человеку. Наоборот, отрадно отметить, что на Святой Горе Афонской, среди ее греческих монахов, эти новые издания греческих текстов пр. Симеона читаются с большой охотой, содействуя переживаемому сейчас на Афоне духовному возрождению. С другой стороны, издание Sources Chretiennes вызвало в последние годы появление обширных и ученых трудов немцев, В. Фолкера и К. Демпе, мало доступных по своей научной тяжеловесности для широкого круга читателей. К ним можно прибавить книгу сочувствующего пятидесятникам американского иезуита Г. Малоне «Мистика света и огня», предназначенную для читателя не специалиста и не имеющую научных притязаний, но в общем неплохую. Досадно, что с православной стороны так мало пишется о пр. Симеоне. Цель настоящего труда не в том, чтобы соперничать с вышеуказанными учеными работами, массивными по объему, полными преобильных примечаний и недоступными для читателя не специалиста. Это было бы задачей, превосходящей мои силы, и вместе с тем бесполезной, потому что никто не станет читать подобный труд. Что бы мне хотелось — это дать живой, объективный, хорошо документированный словами самого пр. Симеона и, в особенности, правдивый образ великого святого, доступный широкому кругу образованных читателей, интересующихся духовной жизнью Православия и мистическим феноменом вообще, а не только профессиональным византологам, или, тем более, только конфессиональным полемистам. Моя книга написана с большой любовью к пр. Симеону, но в то же время, как я надеюсь, с любовью к истине. Мне не хотелось бы дать стилизованный образ пр. Симеона, схематизировать или упростить его личность, или сделать из него предшественника современного пентокостального движения, либо крайнего «энтузиаста», либо своего рода протестантского мистика, бунтующего против иерархии, либо даже «бессознательного мессалианца», как это делают многие из современных его исследователей. И особенно мне хотелось избежать риторики и православного триумфализма. Некоторым моя книга покажется, может быть, несвязной, но сложность личности пр. Симеона и богатство его духовности вынуждают меня иногда говорить вещи, которые могут показаться противоречивыми. Что, однако, остается выше всех противоречий — это его видение Бога в этой жизни, его любовь ко Христу во свете и в Духе Святом, хотя пр. Симеон и должен был бороться всю свою жизнь, чтобы ее не потерять. Моя цель — предоставить пр. Симеону говорить как можно чаще самому, вот почему книга полна цитат. Эти цитаты я переводил непосредственно с греческого текста, всегда стараясь прежде всего, по возможности, переводить точно и близко к подлиннику. Поэтому мой текст часто, но не всегда, отличается от перевода еп. Феофана, и я готов признать, что его перевод иногда глаже и даже понятнее, но я не считал себя в праве «улучшать» стиль святого отца, тем более «исправлять» его богословие. Показать подлинного пр. Симеона Нового Богослова — такова была моя задача, и если я в этом хоть частично преуспел, то буду счастлив и благодарен за это Богу и Его угоднику.

Жизнь и личность преподобного Симеона Нового Богослова

1. Братолюбивый нищий

Преподобный Симеон Новый Богослов родился в 949 году в местечке Галати, в Пафлагонии (Малая Азия), от родителей, принадлежавших к состоятельному и влиятельному в общественных делах провинциальному дворянству. Это было во времена македонской династии, одного из лучших периодов византийской истории. Жизнь пр. Симеона совпадает в большей своей части с царствованием самого знаменитого представителя этой династии, императора Василия II Болгаробойцы (976-1025). В возрасте приблизительно одиннадцати лет пр. Симеон был привезен своим отцом в Константинополь учиться в столичных школах, чтобы впоследствии поступить на императорскую службу. Его дядя, Василий, занимал тогда важное место при дворе и намеревался представить своего племянника императору, но юный Симеон уклонился от этой чести. Он также отказался после окончания учения в школах, которые мы могли бы назвать средними, продолжать свое образование в высших школах.

Впоследствии пр. Симеон описывает себя в этот период своей жизни в следующих, несколько иронических словах: «Некий молодой человек, именем Георгий, около двадцатилетнего возраста, жил в наши времена в Константинополе, красивый видом и имевший что-то показное в своем облике, манерах и походке, так что даже некоторые имели о нем из-за этого дурные мнения». Он как будто бы вел тогда рассеянную жизнь столичного молодого человека, но оставался глубоко неудовлетворенным. «Благодарю Тебя, Владыко, Господи неба и земли, — пишет он впоследствии, вспоминая это время, — ... что когда я, неблагодарный и презритель, как лошадь, сорвавшаяся с привязи, поверг себя в пропасть, убежав от Твоей власти. Ты не оставил меня лежать... но милости Твоего сердца послал за мною и вывел меня оттуда, и почтил меня еще более светло. И освободил меня неизреченными Твоими судьбами от царей и властителей, которые намеревались пользоваться мною для обслуживания своих желаний, как сосудом, не имеющим ценности». Под влиянием, как кажется, чтения духовных книг, житий святых в особенности, молодой Симеон живо почувствовал ничтожность своего тогдашнего состояния и, в желании найти путь к Богу, начал искать святого человека, который мог бы руководить им и примирить с Богом. Окружающие не понимали его. «Но когда я слышал, — пишет он, — всех единодушно без исключения говоривших мне, что такого святого не существует в настоящее время на земле, то от этого я впадал в еще большую печаль». Однако жил с верою и доверием к Богу, столь характерными для него всегда: «Я никогда, однако, этому не верил... И говорил: Господь мой, помилуй! Неужто диавол стал настолько сильнее Владыки Бога, что всех привлек к себе и сделал всех своими сторонниками, так что никто не остался на стороне Бога?»

Столь большая вера не могла остаться безответной: пр. Симеон встретил наконец святого человека, которого искал. Это был престарелый монах Студийского монастыря. Его тоже звали Симеон. С этого знакомства начинается новый период в жизни молодого Симеона. Внешне он продолжал работать в миру, как и раньше, но часто посещал своего духовного отца и ревностно исполнял его предписания. В начале, однако, Симеон Студит ограничился тем, что дал своему ученику «маленькую заповедь только для напоминания», чтобы тот исполнял ее. И когда тот попросил у него книг для духовного чтения, то дал ему книгу «О духовном законе» Марка Монаха, аскетического писателя пятого века. Среди изречений этой книги, поразивших молодого Симеона, было одно, которое произвело на него особенно глубокое впечатление: «Ища исцеления, позаботься о совести. И все, что она говорит, сделай и найдешь пользу». «С тех пор, — говорит пр. Симеон, рассказывая о себе в третьем лице, — он никогда не засыпал, когда совесть обличала его и говорила: «Почему ты не сделал и этого?» «Уязвленный любовью и желанием (Господа), он искал с надеждою Первую Красоту» и с юношескою ревностью на деле применил изречение Марка Монаха, все более и более увеличивая свои ночные молитвы, как ему то внушала совесть, «потому что днем он стоял во главе дома одного

из патрикиев и каждый день являлся во дворец, заботясь о вещах нужных для жизни, так что из-за этого никто не знал, что происходило с ним», в то время как его ночи были посвящены пламенной молитве. Слезы текли из его глаз, он умножал коленопреклонения, как если бы Господь присутствовал Сам, и молитвенно призывал Матерь Божию.

Во время одного из этих ночных молений пр. Симеон имел первое мистическое видение света, затопившего его, наполнившего радостью, он перестал ощущать и себя, и все окружающее. Но первый период религиозного воодушевления и мистического просветления, приписываемый пр. Симеоном молитвам духовного отца, продолжался недолго. Юноша вернулся к светской и рассеянной жизни, какую вел раньше. «И забывая, — рассказывает он, — о всем, выше сказанном, я дошел до всецелого омрачения, так что даже не вспоминал никогда ни о чем малом или великом, вплоть до простой мысли, из того, о чем я ранее сказал. Я впал в еще большие беды, чем случившиеся со мною прежде, и был в таком состоянии, как если бы я никогда не понимал или не слышал святых слов Христовых. Но и на того святого, который сжалился тогда надо мною и дал мне маленькую заповедь и послал мне... книгу, я смотрел, как на одного из обычных людей. Я просто не думал о всем виденном мною благодаря ему!» В другом месте пр. Симеон выражается с еще большей силою об этих годах духовного расслабления: «Я вновь бросил себя, несчастный, в ров и глубокую тину постыдных мыслей и действий. И сошедши туда, я впал во власть тех, кто скрывался во тьме, так что не только я сам себя, но и весь мир, сошедшийся воедино, не смог бы вывести меня оттуда и избавить из их рук».

Эти покаянные признания не должны быть понимаемы буквально: несмотря на все расслабление, испытанное им, пр. Симеон сумел сохранить свое целомудрие, как он это уточняет сам: «Когда кто-нибудь призывал меня на дела безумия и греха, истинно, этого обманчивого мира, внутри все мое сердце собиралось и как бы скрывалось, стыдясь само себя, невидимо удерживаемое всячески Твоею Божественною рукою. И я любил все другие житейские (вещи), которые приятны для зрения и услаждают гортань, и украшают тело, тлеющее это. Но нечистые действия и бесстыдные желания, Ты стер их из сердца моего, о Боже мой, и соделал к ним ненависть в моей душе, если даже произволением моим я был расположен к ним, и сотворил, чтобы я скорее имел бездеятельное желание и действия без желания, величайшее чудо во всяком случае». Кажется однако, что даже в этот период, продолжавшийся около шести-семи лет, пр. Симеон не порвал совершенно своих отношений со своим духовным отцом. «Не знаю, как это сказать, — пишет он, — неведомо как-то любовь и вера ко святому старцу осталась в моем несчастном сердце. И из-за нее, я думаю, человеколюбивый Бог после прошествия стольких лет помиловал меня по его молитвам. И опять посредством его избавил меня от великого заблуждения, выхватив из глубины зол. Потому что я, недостойный, не отступил окончательно от него, но исповедовал ему случавшееся со мною и часто заходил в его келию, когда мне приходилось бывать в городе, хотя, бессовестный, и не сохранял его заповедей».

Пр. Симеон приписывает, однако, прямому вмешательству Божию свое второе и окончательное избавление от власти злых сил. Он с большим чувством описывает его в одном из лучших своих писаний: «Когда меня там держали и жалким образом таскали кругом, и удушали, и насмехались... Ты, милосердный и человеколюбивый Владыка, не презрел меня, не проявил злопамятства, не отвратился от моего неблагодарного умонастроения и не оставил меня быть надолго добровольно насилуемым разбойниками. Но если я и радовался, будучи бесчувственно соувлекаем ими, Ты, Владыка, не вынес видеть меня водимого и влекомого кругом. Но Ты умилился, но Ты пожалел и послал ко мне грешному и жалкому не ангела, не человека, но Сам Ты, движимый Твоею внутренней благостью, склонился к тому глубочайшему рву и протянул Твою пречистую руку ко мне, погруженному во глубину грязи и сидящему где-то внизу. И хотя я не видел Тебя (ибо как я мог видеть или как мог вообще смотреть, будучи покрытым грязью и утопая в ней?), Ты взялся за волосы моей головы и вытащил меня оттуда, увлекая насильно. Я чувствовал боль и ощущал движение вверх и то,

что я восхожу, но не знал, кем я вообще влеком вверх и кем может быть тот, кто держит и возводит меня. Но, вытащив меня наверх и поставив на землю, Ты передал меня Своему рабу и ученику, всего оскверненного и с глазами, ушами и ртом, забитыми грязью, и даже тогда не видевшего Тебя, кто Ты, а только узнавшего, что Некий добрый и человеколюбивый, каким Ты являешься, вывел меня из того глубочайшего рва и грязи». Или, как пр. Симеон говорит в другом месте: «Да, Владыка, Ты вспомнил меня, когда я находился в миру, и, когда я не знал, Ты Сам избрал меня и отделил от мира, и поставил пред лицом Твоей славы».

Это чудесное избавление из рва, видимо, соответствует решению пр. Симеона окончательно оставить мир и стать монахом. Как известно из Жития, он поступил в Студийский монастырь в качестве послушника примерно двадцати семи лет. Пр. Симеон вспоминает об этой перемене в своей жизни в следующих выражениях: «Ты, Боже мой... помиловал меня... от отца и братьев, сродников и друзей, от земли рождения, из моего отцовского дома, как из темного Египта, как из глубин ада... Ты отделил меня, Благодостный, и, приняв меня, повел меня, держа Твоею страшную рукой, к тому, которого Ты благоволил сделать на земле моим отцом, и бросил к его ногам и объятиям. И он привел меня к Твоему Отцу, о мой Христос, и к Тебе через Духа, о Троица, Боже мой, плачущего, как блудный сын, и припадающего, о Слово». В Студийском монастыре пр. Симеон нашел своего старого духовного отца Симеона Благоговейного и немедленно стал его верным учеником, проявляя большое рвение в послушании и в аскетической жизни вообще. Однако, в этом общежительном монастыре, где придавали большое значение порядку, единообразию и единоличной власти игумна, такая особенная привязанность к духовному отцу скоро возбудила неудовольствие среди монахов. Игумен несколько раз вызывал к себе пр. Симеона и требовал от него больше сообразовываться с правилами общежития и отказаться от руководства его духовного отца. Пр. Симеон, однако, не захотел это исполнить и был изгнан из монастыря. Нетрудно понять, чем был вызван этот отказ: пр. Симеон был убежден, что Сам Бог дал ему духовного отца, которому он был обязан всем. Он снова поступил послушником в соседнюю небольшую обитель св. Маманта, именуемую Ксирокеркской, но продолжал, однако, находиться под духовным руководством Симеона Благоговейного, который остался в Студийском монастыре. В своей новой обители пр. Симеон был вскоре пострижен в монахи и рукоположен во иереи, а затем, после трехлетнего пребывания в обители, в возрасте, приблизительно, тридцати одного года, выбран монахами св. Маманта игуменом с одобрения патриарха Николая Хрисоверга. Это происходило около 980-го года. К этому времени он уже начинал становиться в Константинополе «знаменитостью», был известен святостью и мудростью, многие почитали и любили его, но другие критиковали и подвергали нападкам.

Таковы, кратко, внешние факты, как они видны из Жития, написанного Никитой Стифатом. Писания самого пр. Симеона открывают нам внутреннюю сторону этих событий. Мы узнаем из них, что в отличие от легкости первых шагов в духовной жизни, быстро приведших молодого Симеона к первому видению Божественного света, он был вынужден теперь с терпением проходить длинный, трудный и болезненный путь духовного исцеления. Так, только ценою больших аскетических усилий было дано ему увидеть луч Божественного света, но более тускло, чем в первый раз. В другом месте пр. Симеон, в ярких образах описывая свой внутренний путь, подчеркивает решительную роль своего духовного отца, Симеона Благоговейного, в этом процессе освобождения: «Итак, по повелению Твоему я последовал, не оборачиваясь назад, за человеком, указанным мне Тобою, Всесвятой Владыка, и он повел меня с большим трудом к источникам и ключам, слепого и влекомого позади данной мне Тобою рукою веры, и вынуждаемого следовать за ним. И там, где он, как видящий, умело поднимал свои ноги и без затруднения проходил через все камни, ямы и западни, я натыкался на них на все и падал в них, и от этого претерпевал много страданий, трудов и скорбей. Он также во всякое время мылся и купался в каждом источнике, когда сам хотел, а я, не видя, проходил мимо большинства из них. Если бы он не удержал меня за руку и не поставил близ источника, и не направил бы мои руки

ума, я никогда бы не смог найти источник воды, где он находится. Часто он мне указывал сам на источники и оставлял меня мыться, но я вместе с чистой водою захватывал своими ладонями глину и грязь, лежавшие близ источника, и загрязнял ими мое лицо. Часто также, ощупывая источник воды, чтобы найти его, я сбрасывал в него землю и замешивал грязь. И, не видя совсем, думал, что чисто моюсь, когда на деле пачкал свое лицо в грязи, как бы в воде».

Внутренние трудности удваиваются от противодействия людей (студийских монахов, как можно предполагать) и от их непонимания его духовного пути. «Что ты напрасно трудишься, — говорили они ему, — поступая безрассудно, следуешь за этим насмешником и обманщиком, суетно и без пользы ожидая прозреть? Да в наше время это невозможно!.. Почему ты вместо этого не идешь к милостивым людям, которые просят тебя упокоить и пропитать и хорошо за тобой ухаживать? Ведь невозможно же избавиться от этой душевной проказы... Откуда только появился этот насмешник, современный чудотворец, обещающий тебе вещи невозможные для всех людей нынешнего поколения?.. И сам ты, без нас, не думаешь ли об этом в себе и не держишься ли того же мнения?» Ничто, однако, не могло отратить пр. Симеона от пути, который он избрал. Мы указываем далее, в главе о видении света, прекрасную страницу из Второго Благодарения, где пр. Симеон с большим лиризмом, развивая свой образ источника, описывает видения ослепляющие и темные, светлые и таинственные, которые он имел в это время, Лица Господня. Очень важно отметить настойчивость, с которой пр. Симеон не перестает подчеркивать, что несмотря на его многочисленные мистические озарения, он еще не познал Бога и не понимал ясно и сознательно, Кто был являвшийся ему. И поэтому, несмотря на все свои видения, он был глубоко неудовлетворен. Мы касаемся здесь одной глубокой черты в духовности пр. Симеона. Часто говорят, сильно упрощая вещи, что мистицизм греческих отцов есть мистицизм света, и что видение света есть высшее мистическое явление в византийской духовности. По отношению к пр. Симеону, во всяком случае, такое мнение может быть принято только с некоторым ограничением. Для него не видение света само по себе, как бы важно оно ни было, образует центральный момент и вершину мистической жизни, но личная встреча со Христом, являющимся во свете, и общение с Ним. И только с момента, когда Христос начинает говорить с нами в нашем сердце через Своего Святого Духа, мы приобретаем личное Его познание. Простое видение света не дает его, но может вызвать сильное томление и мистическую неудовлетворенность. Только после многих видений света и переменных явлений и удалений наступает решительный момент, когда Христос начинает говорить. «Ты тогда впервые, — говорит пр. Симеон, — удостоил меня, беспутного, услышать Твой голос. И Ты вот так мягко обратился ко мне, поражающемуся и изумляющемуся, и трепещущему, и в самом себе как бы размышляющему и говорящему: «Что может означать эта слава и величие этой светлости? Каким образом и откуда я удостоился таких благ?» «Я есмь, — сказал Ты, — Бог, ставший для тебя человеком. И так как ты взыскал Меня от всей души, вот ты будешь отныне Моим братом, Моим сонаследником и Моим другом». И пр. Симеон рассказывает, как это мистическое единство со Христом стало для него затем непреходящим состоянием.

Для пр. Симеона было совершенно невозможно сохранить в тайне это великое откровение. По любви к ближним, в пламенном желании сделать всех участниками той же благодати, он чувствовал себя обязанным открыть другим свой духовный опыт и призывать их следовать по его духовному пути. Он был твердо убежден, что Христос дарует полноту Своей благодати всякому, кто будет искать ее от всего сердца. «Как, в самом деле, можем мы, — спрашивает он, — молчать о таком богатстве Его благодеяний или неблагодарно, как непомнящие и дурные рабы, зарывать данный нам талант?» Он объясняет свою мысль, используя следующий прекрасный образ: «Как некий братолюбивый нищий, попросивший милостыню у одного христоролюбивого и милостивого человека и получивший от него несколько монет, бежит от него в радости к своим товарищам по бедности и извещает их об этом, говоря им в тайне: «Бегите с усердием и вы, чтобы получить», — и при этом показывает им пальцем и указывает им человека, давшего ему монету. А если они не верят ему, показывает им ее на ладони.

приобнажая монету на ней, чтобы они поверили и проявили бы усердие, и настигли бы быстро того милостивого человека. Так и я, смиренный, бедный и обнаженный от всякого добра, и слуга святыни всех вас, испытавший на деле человеколюбие и сострадание Божие... и получивший благодать, недостойный всякой благодати, не выношу один скрывать ее в недрах души, но говорю всем вам, братьям и отцам моим, о дарах Божиих и делаю явным вам, насколько это в моих силах, каков есть тот талант, который был дан мне, и посредством моих слов обнажаю его, как на ладони. И говорю это не в закоулке и тайне, но кричу громким голосом: "Бегите, братья, бегите". И не только кричу, но и указываю на подающего Владыку, выставляя вперед вместо пальца мое слово... Поэтому и я не терплю, чтобы не говорить о тех чудесах Божиих, какие я видел и какие я узнал на деле и на опыте, но всем прочим людям свидетельствую о них, как перед Богом».

В другом месте, свидетельствуя об этом, пр. Симеон возвращается к евангельскому образу сокрытого сокровища: «Когда сокровище, скрытое в Божественных Писаниях, было мне указано святым мужем в некотором месте, я не поколебался восстать и разыскать, и увидеть его... но оставив всякую другую житейскую работу и деятельность... я не перестал день и ночь копать... и углубляться, пока сокровище не начало сиять на поверхности вместе с землею. Потрудившись таким образом долгое время, выкапывая землю и отбрасывая ее в сторону, я увидел все сокровище, лежавшее где-то внизу, распростертым, как мне думается, наверху всей земли, не смешанное с ней и чистое от всякой грязи. И видя, всегда кричу и так взываю к неверящим и не желающим трудиться и копать: «Приидите, научитесь, что не только в будущем, но вот уже сейчас лежит перед нашими глазами и руками, и ногами несказанное сокровище, превышающее всякое начало и власть. Приидите и удостоверьтесь, что это сокровище есть свет мира».

Здесь мы приходим к одному из наиболее важных моментов во всем мистическом развитии пр. Симеона. Он начинает с несомненностью чувствовать, что это не он взывает, но Сам Христос, Который и есть сокровище, призывает людей через него. «И я не от себя самого, — продолжает он, — говорю это, но само сокровище сказало и говорит: «Я есмь воскресение и жизнь, Я зерно горчичное, глубоко скрытое в земле. Я жемчуг, покупаемый верными... Я световидный источник бессмертного потока и реки, в коем любящие Меня от руки моются и очищаются от всякой нечистоты телом и душою, и блистают все, как светильник или как вид солнечного луча».

Таков, в кратком изображении, мистический путь пр. Симеона согласно его писаниям. Он начинается даром Божиим, видением Божественного света, внезапно осиявшим его, когда он был еще юношей, неопытным в духовной жизни. Следуют долгие годы расслабленной и рассеянной жизни в миру, откуда он был «вытащен за волосы» Самим Христом. Тогда начался продолжительный период аскетических трудов в монастыре под руководством духовного отца Симеона Благоговейного: отречение от своей воли, искание смирения и особенно пламенная непрестанная молитва о восстановлении его духовного зрения. Далее, через внутреннее очищение и, как следствие, новое мистическое озарение видением света, пр. Симеон на новом этапе достигает вершины всего: личной, близкой и единящей встречи со Христом, и Христос, беседуя с ним Духом Святым в его сердце, делает все существо его светом. После этого откровения остается только отметить его последствия: невозможность скрывать сокровище, которое есть Сам Христос, необходимость возвещать его другим, быть тем «братолюбивым нищим», который получает милостыню, дабы указать на ее источник. Этот поразительный образ «братолюбивого нищего», получившего от Христа златницу благодати, приявшего в своем сердце Самого Христа и призывающего всех бежать и искать единого Милостивого, дает лучшее представление о святой и привлекательной личности пр. Симеона Нового Богослова, как и о его духовном пути и учении. И, чтобы воспользоваться собственными образами пр. Симеона, — его писания действительно являются теми раскрытыми «ладонями», на которых он показывает всем, кто сомневается в возможности личного общения со Христом в этой жизни, золотые

монеты своих духовных озарений. Или, как он сам зовет в своих Гимнах: «Да, братья мои, бегите к Нему действиями, да друзья, встаньте, да, не отставайте, да, не говорите против нас, обманывая самих себя. Не говорите, что невозможно принять Божественный Дух, не говорите, что без Него возможно спастись, не говорите, что кто-нибудь причастен Ему, сам того не зная, не говорите, что Бог невидим людям, не говорите, что люди не видят Божественного света или что это невозможно в настоящие времена! Это никогда не бывает невозможным, друзья! Но очень даже возможно желающим, но только тем, которым жизнь дала очищение от страстей и соделала чистым око ума».

2. Неистовый ревнитель

Итак, пр. Симеон был выбран игумном монастыря св. Маманта в возрасте тридцати одного года, после всего лишь трехлетнего пребывания в монастыре. Маленькая обитель св. Маманта, основанная во времена императора Маврикия, в конце VI века, находилась, согласно свидетельству Никиты, в западной части Константинополя, недалеко от Ксирокеркских врат, ныне Белград Капу. Во времена пр. Симеона она была в очень печальном состоянии. Большая часть зданий развалилась, и, как отмечает Никита, это было «не столько прибежище и стадо монахов, сколько место жительства мирских людей». Немногочисленные монахи, которые еще жили там, страдали от духовного голода и были оставлены без покровительства и духовного руководства. Пр. Симеон немедленно принялся за восстановление развалин. Воистину достойно удивления, насколько удачливым выявил себя этот человек внутренней жизни в такого рода работах материального восстановления и организации. Нас, однако, гораздо больше интересует духовное восстановление монашеской жизни и средства, примененные пр. Симеоном для достижения этой цели. С этой точки зрения Огласительное Слово «О любви», произнесенное пр. Симеоном после избрания его игумном, может рассматриваться как хорошее изложение его программы. «Братья и отцы, — говорит он, начиная Слово своего рода личным вступлением, — ... немалая и необычная скорбь владеет мною, что я, смиренный, будучи предпочтен перед другими водить вас, честнейших, которых я скорее должен был сам иметь вождями, как самый последний и по времени (жизни в обители), и по возрасту, не обладаю словом, опирающимся на дело и свидетельствуемым жизнью, дабы утешать вас и напоминать вам о законах и воле Божией... Но я прошу и умоляю всех вас, братья мои, смотреть не на рассеянную мою жизнь, но на заповеди Господни и на учения наших святых отцов». После этого пр. Симеон переходит к главной теме своего наставления, любви. Вся проповедь имеет целью указать монахам, что путь, который ведет в Царство Небесное, есть путь заповедей Христовых, из которых самая главная — любовь. Похвала любви, царице добродетелей, принимает у него черты вдохновенного гимна. Во многих местах яркие обращения к любви, воспринимаемой как личность, производят впечатление мистического экстаза. «Постараемся итак, дорогие мои во Христе братья, служить Богу, как всеми добродетелями, так и взаимной любовью, служить и мне, которого вы избрали иметь образцом духовного отца, хотя мне и очень недостает этого достоинства. Дабы радовался бы Бог вашему согласию и совершенству, радовался бы и я, смиренный, видя всегда все увеличивающимся преуспевание вашей жизни по Боге на лучшее в вере... И радость моя становится благословением для вас и прибавлением неразрушимой и блаженной жизни во Христе Иисусе, Господе нашем».

Подлинно, производит впечатление, как пр. Симеон в первом обращении стремится создать личные духовные отношения между собою, как игумном, и братией. Нелегко было воплотить возвышенные мысли нового игумна в монастыре, где духовная жизнь находилась на достаточно низком уровне. По этой причине пр. Симеон повторно ищет сотрудничества братии в общем деле духовного восстановления. И не перестает побуждать монахов положить начало новой жизни. Одновременно, однако, он подбодряет их тем, что постоянно говорит, как Бог нас любит и как быстро Он нам отвечает, если только мы искренно Его ищем. «Прошу вас, — говорит он, — братья мои, да

пробудимся мы наконец и, возбуждая друг друга утешением слова к ревности и подражанию добра, будем бежать со тщанием, будем спешить с охотой и с кипящим произволением». Такого рода побуждения к совместным подвигам особенно уместны во время Великого Поста, когда необходима особенная строгость. «Начало да будет нам, братья, — говорит он, — от сегодняшнего дня, и, сколько у нас есть силы, будем бежать вперед, чтобы, как некие орлы с золотыми крыльями, мы, легкими, достигли бы Пасхи Господней... Установим же, если угодно, мы сами себе закон общим советом посреди нас, чтобы если двое из нас найдутся, кроме как в субботу и воскресенье, стоящими праздно и ведущими совершенно бесполезные разговоры, да не вкушают они в этот день ничего другого, кроме как сухого хлеба с солью и холодной воды во время обеда, стоя при этом около нижнего конца стола». Решение начать новую жизнь было для пр. Симеона самым важным. Он был убежден, что Бог не замедлит дать ответ на такое решение. «Послушай только меня смиренного, — говорит он одному молодому монаху, — только положи в этом начало, брат, только начни делать... и говорить это, и Бог не оставит тебя. Потому что Он сильно тебя любит и хочет, чтобы ты пришел в познание истины и спасся». Или в другом месте: «Воистину возвещаю тебе великую радость. Потому что если ты будешь настойчиво это делать, испытывая жажду, пребывая во блениях, подчиняясь до смерти и слушаясь без рассуждения и без лицемерия твоего настоятеля, претерпевая также всякую скорбь и обиду, и поношение, и клевету, более того, также и удары, и несправедливости со стороны самых ничтожных собратьев, оставаясь расположенным без памятозлобия и со всякой благодарностью по отношению к ним, и молясь о них, радуйся и веселись радостью несказанною. Потому что не только вечером и утром, и в полдень, но и тогда, когда ты ешь и пьешь, и часто когда разговариваешь, поешь и читаешь, и молишься, или лежишь на своей постели, этот Божественный и несказанный дар (умиления) будет идти вслед за тобою все дни твоей жизни и будет сопутствовать тебе... утешая и услаждая болезненность от трудов твоих». И пр. Симеон даже объявляет себя поручителем, что Милостивый не оставит грешника, если он обратится к Богу без колебания в своем сердце.

Пр. Симеон хорошо чувствовал трудности своего игуменства, тяжелую обязанность руководить монахами и молил Бога о поддержке, как он об этом пишет в своих Гимнах: «О Боже мой... сделай меня способным великодушно переносить всякое искушение и огорчение жизни... все, что причиняют мне делом и словом немощные из этих моих братьев. Увы мне, потому что мои члены истощают меня, и я снова испытываю боли из-за них. Я, на кого выпал жребий быть главою, влеком ногами и хожу босым, и укалываюсь колочками, и сильно болезную, не перенося боли. Одна из моих ног идет вперед, а другая обращается снова назад. Они тянут меня туда-сюда, тащат меня, мои ноги раздираются, и я падаю на землю. Я не в силах следовать за ногами. Лежать плохо, а ходить настолько хуже, чем лежать, что превосходит все другие несчастья». Его особенно тяготит ответственность за спасение своих братьев: «Что же касается до судьбы братьев, которых я поставлен пасти, какая душа сможет понести, какой ум найдет силы неосужденно проследить настроение каждого в отдельности и без недостатка внести от себя все (нужное), и изъять самого себя от его осуждения. Мне не кажется, что это возможно людям, поэтому я убежден и хочу скорее быть учеником, служа воле одного, слушая слова одного, и дать ответ только за этого единого, нежели служить нравам и желаниям многих и исследовать настроения, и разыскивать намерения и действия, и следить также за мыслями, так как суд ожидает меня и мне предстоит дать ответ за то, в чем согрешили те, пасти которых я один был избран неизреченными постановлениями Бога. Ибо каждый будет судим и во всяком случае даст ответ за то, что он сделал сам, доброго или дурного, а я один дам ответ за каждого. И как я хочу спастись и как быть помилованным, я, который даже для моей одной жалкой души совсем не имею возможности показать спасительное дело?». Однако, он молится быть спасенным вместе со своими учениками: «И с ликами избранных, какими Ты Сам ведаешь судьбами, сопричисли с Твоими учениками, чтобы мы все вместе видели Твою Божественную славу и наслаждались бы Твоих, Христе, неизреченных благ!»

В своем учении пр. Симеон всегда проповедовал возможность мистического единения с Богом в

настоящей жизни. Путь, который вел к этому единению, был, конечно, согласно с пр. Симеоном, исполнение заповедей Христовых, тесный и трудный крестный путь, аскетические подвиги вообще. В этом отношении пр. Симеон не отличается от древних аскетических писателей. Как и они, он делает ударение на необходимости суровой работы и борьбы прежде получения духовных дарований. Для него, однако, видение Бога не являлось своего рода наградой, даруемой нам за наши добрые дела после смерти, но чем-то, начинающимся уже здесь. Видение Бога составляло для пр. Симеона существенную часть христианской жизни, даже если полнота его могла быть достигнута только в будущем веке. Пр. Симеон постоянно возвращается к этому. Так, он утверждает, что мы начинаем делаться причастниками воскресения здесь и сейчас, в настоящей жизни. Здесь также начинаем мы видеть Христа. Такого рода духовное учение о видении Христа в этой жизни занимает особое место в предании греческих и восточных аскетических писателей. Оно, конечно, не противоречит учению древних отцов, поскольку, несомненно, даже внушено древними духовными течениями, как, например, «Духовными Беседами», приписываемыми пр. Макарию Египетскому. Но способ, как оно было проповедано пр. Симеоном, казался необычным и новым. Ударение, которое он ставил на предварении вечной жизни в жизни земной, возможность видеть Бога и сознательно испытывать благодать в настоящей жизни, необходимость включать в духовную жизнь самые возвышенные созерцания, чтобы выполнить общее назначение христианина, все эти черты, которые более или менее находятся у древних аскетических писателей, занимают в проповедях пр. Симеона преимущественное и даже центральное место. Необычное впечатление, производимое учением пр. Симеона, усиливалось еще из-за факта, что Византийская церковь развивалась тогда в направлении большей регламентации литургических форм, одновременно более торжественных и единообразных. В ту же эпоху мы видим фиксацию церковных праздников и календаря в Месяцеслове императора Василия II. Тогда же Симеон Метафраст переработал и «очищал» Жития Святых для придания им большего единства и устранения шероховатости языка и эксцентричности повествования. Что касается духовной письменности этой эпохи, то на первое место здесь должен быть поставлен пр. Феодор Студит (+ 826), великий учитель монашеский и аскетический писатель. Он был, по всей вероятности, первым составителем монашеских Огласительных Слов, и пр. Симеон подражал ему по форме, но литературный стиль пр. Феодора Студита очень отличен от стиля пр. Симеона. Пр. Феодор Студит не был мистическим писателем, нет, он был скорее моралистом. Можно даже сказать, что духовность пр. Симеона была своего рода реакцией против формалистического общежительного строя, который утвердился в Студийском монастыре при преемниках пр. Феодора, когда их великого учителя больше не было в живых. С другой стороны, в Византийской церкви за последние века не появилось ни одного выдающегося мистического писателя. Можно только указать, дабы описать в общих чертах историческое духовное окружение пр. Симеона, на нескольких созерцательных авторов, хронологически близких к нему, как Илия Экдик (IX–X век) или Филофей Синайский. Впрочем, они не оказали никакого влияния на литературное творчество пр. Симеона. Нужно добавить, что ни один из этих писателей не занимал в византийской духовной жизни места, которое может быть сравнимо, даже приблизительно, с центральным, хотя и оспариваемым положением, которое занимал пр. Симеон в X–XI веке. Особого упоминания заслуживает, однако, Симеон Благоговейный, духовный наставник пр. Симеона Нового Богослова, влияние которого на последнего несомненно, но который был, может быть, еще более оспариваем, чем его ученик. Нужно, наконец, иметь в виду, что проповедь пр. Симеона не была специально обращена к лицам, преуспевающим в созерцательной жизни, к пустынникам и отшельникам, как это бывало с древними мистическими писателями, но к обыкновенным монахам столичного общежительного монастыря с невысоким уровнем жизни, или, как в его более поздних писаниях, к широким христианским кругам. Такое мистическое учение должно было показаться им очень необычным.

Однако, наилучшим ключом к пониманию своеобразных черт духовного учения пр. Симеона

является сама его личность, его характер как человека и его внутренний опыт как мистика. Тот же отпечаток личности виден во всем, что он делал в качестве игумна и духовного руководителя. Одной из наиболее характерных его черт является сочетание живого чувства собственного недостойнства и ясного сознания ответственности. Ведь он, игумен, должен учить своих монахов заповедям Христовым. «Всегда немощный, — писал он, — ... душою и телом, я хотел молчать и наблюдать только то, что касается меня, до тех пор, пока у меня худшее не будет побеждено и не подчинится лучшему помыслу... Но так как я был избран вами во главу вашего святого тела, мне необходимо увещать вашу любовь, потому что спасение вашего братства дает мне утешение, что в то время, как я немощствую душой... вы спасаетесь. Следовательно, и не будучи в состоянии раскрыть рта, я едва смог написать мое слово и напомнить вашему братству... чтобы, как истинные рабы Христовы и братолюбцы, вы молились бы о мне, жалком, так чтобы и я сам спасался бы с вами и, шествуя путем заповедей Божиих, я соводворился бы с вами, моими любимыми братьями». Пр. Симеон был убежден, что в проповедях и в учении он вдохновляем Духом Святым. При всем сознании своего недостойнства, он просто был не в состоянии противиться призыву Духа, и это убеждение придавало много властности и настойчивости его действиям как игумна. «Братья и отцы. — говорит он, например. — мне не следовало бы совсем иметь смелость говорить с вами или занимать место учителя перед вашей любовью. Но так как вы знаете, что подобно тому, как изготовленный мастером инструмент не тогда, когда он сам хочет, но когда меха наполняются воздухом и когда он ритмически ударяется пальцами мастера, тогда он и издает звук и наполняет слух всех самым сладким напевом, так, конечно, следует вам думать, что это происходит со мною, невзирая на ничтожество инструмента».

Но так как такого рода уверения могли быть неправильно истолкованы некоторыми из его слушателей, пр. Симеон считает необходимым объяснить причины, побуждающие его проповедовать и в своих учениях так часто говорить о самом себе и о своих духовных переживаниях. Он хотел сделать своих духовных детей соучастниками его благодатных дарований: «Вот это, братья мои. — пишет он в одном послании своим монахам. — я желал написать не как хотящий добиться славы (ибо безумен таковой и чужд горней славы), но чтобы вы знали безмерное человеколюбие Божие и каковым является легчайшее бремя заповедей Самого Спасителя Христа и Бога нашего, и каково воздаяние дара Его и, чтобы узнав это, вы или возжелали бы достичь Его любви, или бы недостижения ее боялись и ужасались, как вечной смерти». Пр. Симеон выявляет себя во всех своих проповедях и действиях подлинным духовным отцом, нежно любящим духовных детей и готовым пожертвовать всем ради их спасения. «Дайте мне эту похвальбу, — говорит он, — что один только я, низверженный в адскую бездну нерадения, вырвал вас, громко закричав, из сети; и если я и должен много оплакивать мою леность, но мне довольно видеть вас высоко летающими превыше сетей дьявольских». Или: «Да, братья мои, умоляю вас, не презрите моего моленья... но так мне подарите вашу волю, чтобы посредством отречения ее вы начали бы жизнь мучеников и страстотерпцев Христовых, я же от сегодняшнего дня буду вновь и вновь полагать за вас всю мою душу вместе с телом на добровольную смерть».

Эта пламенная любовь и преданность пр. Симеона его духовным детям делала его особенно чувствительным, когда он не находил подобного взаимного расположения со стороны братии монастыря. Говоря вообще, его духовное руководство и наставничество имели значительный успех. Духовный облик монастыря св. Маманта изменился к лучшему. Много новых монахов из всех слоев общества и из различных стран пришли к нему и значительно увеличили братию монастыря, как об этом пишет в Житии Никита. Они образовали собою значительную группу преданных и верных учеников. Среди них был даже один бывший епископ из Италии, по имени Иерофей, нашедший под руководством пр. Симеона мир Христов для своей страдающей души. Среди населения Константинополя пр. Симеон становился все более и более известен. Многие важные лица посещали его, ища духовного руководства. Тем не менее, успехи, как мы скоро увидим, имели свою оборотную

сторону. Среди тех, кто пришел к нему, привлеченный его огненной проповедью и святостью, нашлись такие, которые начали проявлять в дальнейшем признаки неустойчивости и захотели покинуть монастырь. Любящее сердце пр. Симеона было, как и можно было ожидать, живо затронуто такого рода намерениями. Это видно из следующих его слов: «Вы пришли к нам с огненной любовью и верою, как мы могли это заключить из ваших слов и лиц, и при этом не принужденные кем-нибудь, но добровольно устремившиеся на это!.. Обнаружьте мне, если вы истинно меня любите, замысел ваших сердец. Чтобы я узнал не только на словах, но и на деле, что Бог стал с вами и что я не напрасно потрудился. Если же вы этого не хотите, почему вы, приидя, причинили мне тяжесть, и отходя — еще более отягощаете? Тяжесть, которая соделывает во мне и неизреченную радость, и беспредельную скорбь, самое странное! Радость, потому что я молюсь о вас и радуюсь, надеясь иметь вас (своими детьми), скорбь же, потому что я боюсь, как бы вы не были удушены вместе с миром, и, будучи обманутыми им, солжете Христу. И я ужасаюсь и прихожу в иступление, помышляя об этом. И на это истрачивается моя душа, и это не дает мне покоя или радования. И плача об этом и находясь в мрачном настроении, я поистине так хожу».

Из этих слов видно, что некоторые монахи св. Маманта, хотя и были вначале тронуты проповедью пр. Симеона, не были, однако, в состоянии долго следовать его призыву. Между ним и определенной частью братьев видимо создалось отчуждение. Пр. Симеон часто должен был чувствовать одиночество в своей духовной борьбе. Он также страдал, сознавая, что его пастырская любовь не встречает понимания и ответа, на которые он надеялся. Его надгробное Огласительное Слово скончавшемуся брату Антонию выражает эти чувства духовного одиночества и пастырской заботы. «Помни о твоём обещании и не забывай о твоих последних и сладостных словах, молясь о нас, твоих братьях, и о всем твоём роде... Ибо многочисленны наши тяжести, о сладчайший брат, которые отягощают смиренную нашу душу и тело. Из них самое ужасное — одиночество и многие заботы о наших братьях. Ты знаешь, что в этой заботе — я самый неистовый ревнитель. Напряжение между пр. Симеоном и одной, по крайней мере, частью его монахов, как видно, росло. У нас много указаний на сопротивление некоторых монахов монастыря св. Маманта своему игумну. Его личность была для них слишком яркой, и его учение представлялось им превосходящим обыкновенные возможности. Огласительные Слова полны горьких жалоб на непослушание монахов. «Я бываю содержим такую скорбью. — жалуется он. — что мне кажется, что предаюсь самой адской мучке... И я плачу и рыдаю, как уже осужденный. И хотя я умоляю вас, но не бываю услышан. Я делаю замечания, но меня отвергают: упрекаю и бываю ненавидим, наказываю и взаимно бываю наказываемым и изгоняюсь, как враг. И делая все это, не могу найти успокоения. Помышляю прекратить все и смотреть только за моими личными бедами, но когда хочу это исполнить на деле, тогда сердце мое разжигается, как пламя, и я опять, смиренный, оказываюсь в тех же обстоятельствах. И я болею вашими ранами не менее, чем своими собственными язвами каждый человек. И я опять воспламеняюсь о вас всех и жизнь мою считаю невыносимой». Или такого рода «самокритика»: «Мы обещали быть монахами, а стали худшими, чем мирские люди. Мы дали обет голодать и жаждать и испытывать лишения, а между тем не стыдимся спорить и кощунствовать из-за одного куска хлеба... Мы пришли, чтобы отречься от всех, кто в мире... и не перестаем их даже более питать принадлежащим монастырю хлебом. Мы убежали из мира, как от врага, но мы любим мир более, чем самого Христа».

Было бы, однако, исторически неправильно видеть в оппозиции против пр. Симеона как игумна одно нерадение и мирской дух монахов, нарушавших правила монашеской жизни. Другие, более тонкие, разногласия, относящиеся к пониманию духовной жизни, обострили конфликт. Настойчивость пр. Симеона, с которой он призывал следовать в мистике за древними отцами, многим представлялась чрезмерным требованием. Для пр. Симеона, напротив, это являлось необходимым условием христианской жизни. Он считал самой опасной ересью мнение, будто Церковь Божия в настоящее время не обладает той же полнотою духовных дарований, как и в древние времена. Эти дарования,

наверное, даются и теперь тем, кто их ищет со смирением и самопожертвованием. Резкое столкновение между пр. Симеоном и частью его монахов стало неизбежным. Двадцать девятое Огласительное Слово ярко отражает это столкновение: «Я о тех говорю, — проповедует пр. Симеон, — и тех называю еретиками, которые говорят, будто нет никого в наши времена и посреди нас, могущего сохранить евангельские заповеди и стать подобным святым отцам. Прежде всего верными и деятельными... а далее и весьма созерцательными и вместе с тем боговидцами, то есть просветиться и принять Духа Святого и через Него увидеть Сына с Отцом. Итак, те, кто говорят, что это невозможно, обладают не какой-либо частной ересью, но всеми, если это можно сказать, как как эта ересь много превосходит и покрывает все другие нечестием и кощунством. Говорящий это опровергает все Божественные Писания... Эти противники Христа говорят: "Это невозможно, невозможно". И почему, скажи мне, невозможно? А посредством чего... святые воссияли на земле и стали светилами в мире? Если бы было невозможным, и они бы никогда не смогли это совершить. Ибо и они были людьми, как и мы. Они ничем большим, чем мы, не обладали, кроме как произволением на благое, старательностью и терпением и любовью к Богу. Итак, приобрети и ты это, и станет для тебя источником слез каменная сейчас душа. Если же ты не хочешь терпеть скорби и стеснения, то по крайней мере не говори, что это невозможно».

Частое упоминание духовных слез, как необходимого пути очищения сердца и, через него, видения Бога и единения с Ним, в особенности вызывало насмешку и враждебность противников пр. Симеона. Пр. Симеон утверждал, что дар слез даруется тем, кто его действительно ищет. Он объяснял также, что жестокость сердца и затрудненность слез не является чем-то свойственным определенным натурам, но происходит от нерадения и духовной лености. «Невозможно, — говорит он, — вымыть без воды замаранную одежду, и без слез еще более невозможно отмыть и очистить душу от пятен и осквернений. Не будем выдумывать душевредных и тщетных предлогов или, лучше сказать, совершенно ложных и причиняющих погибель, но взывем от всей души эту царицу добродетелей (умиление)... (Умиление) отмывает... сначала от грязи причастников его. Далее, оно омывает вместе с тем и страсти и отмывает их, как бы снимая засохшую кожу с ран... И не только это, но и как некий пламень, обегая кругом, постепенно уничтожает их, сжигая их ежечасно, как колючки, и попаляя... Все это вместе со слезами, вернее же, — посредством слез, соделывает Божественный огонь умиления. Без умиления же, как мы сказали, ничто из такового ни в нас самих, ни в ком-нибудь другом никогда не произошло и не произойдет». Пр. Симеон постоянно говорит своим монахам о таких сердечных слезах и как они превращают нас в дом Пресвятой Троицы.

В вышеприведенных цитатах можно заметить как бы естественный переход от аскетических предписаний к возвышенным духовным состояниям. Такое органическое сочетание аскетических и мистических тем обычно в духовном учении пр. Симеона. Он никогда не забывал указывать на необходимость аскетической подготовки, но первенствующее значение для него имел таинственный плод Духа. А между тем, как раз ударение на мистическом переживании вызывало вражду многих. 34-ое Огласительное Слово «О том, что небезопасно зарывать даваемый нам от Бога талант» дает нам еще раз картину развивающегося конфликта. Оно позволяет чувствовать создавшуюся в монастыре атмосферу. «Что вы в себе подумали, — спрашивает пр. Симеон своих монахов, — о том, чему мы часто учили вас в различных проповедях? Что вы в себе решили о том, кто смело говорил об этом? Может быть, вы подумали, что мы сказали что-то не находящееся в Божественных Писаниях? Или вы нас скрытно порицали, как говорящих чрезмерные вещи? Или вы осудили нас, как ораторствующих преувеличенно о себе? Если вы так оказались расположенными к сказанному, то да будет к вам милостив Христос. Я также прошу вашей любви, чтобы никто, впав в такое осуждение, не упорствовал бы в нем». Из этих слов можно видеть, что пр. Симеон был обвиняем, что слишком много говорит о своей собственной духовной жизни и тем самым слишком настойчиво призывает братию своего монастыря следовать тем же путем, что он. Поэтому пр. Симеон чувствовал необходимость объяснить,

что если он говорит в таком духе, то только подвигаемый на это любовью к братьям: «Таков, следовательно, братья, образ моего, как некоторые думают, величавого говорения. Таким образом любовь к Богу движет меня к вам, моим отцам и братьям, чтобы открыть неизреченную Божию благодать к нам и любовь, из-за которой Он таким образом и в столь великих вещах прославляет независтно тех, кто на Него надеется».

Несмотря на встречаемую враждебность, пр. Симеон продолжал звать находившихся под его руководством монахов к более высокой духовной жизни, устремленной к Божественному озарению. Это был его долг как игумна и его ответственность пред Богом. «Я прошу всех вас, о отцы и братья, постарайтесь стать причастниками такой жизни, которая есть Божественный свет. Сам Дух Святой, освящающий причащающихся Его и соделывающий их богами по положению. И не забудьте столь многих слов, которые я говорил вам... Ибо я не прекратил возвещать вам то, что было мне сказано и извещено, и поведено Господом нашим Иисусом Христом посредством Его покланяемого и Святого Духа, о высоких дарах и благодатных дарованиях собезначального Бога и Отца Его, каковые дарования дает всегда и даже до настоящего времени всем, трудами ищущим причастия в вере, Тот же благой и благодетель наш, Бог».

Развязка этого кризиса известна нам из Жития. Лет через пятнадцать после вступления пр. Симеона в должность игумна монастыря св. Маманта, часть монахов, приблизительно тридцать братьев, взбунтовались против него и насильственно прервали его, когда он, по обыкновению, проповедовал в церкви во время утрени. Они устремились на него, как «дикие звери», с намерением изгнать из монастыря. Попытка, однако, не удалась благодаря спокойствию пр. Симеона, который продолжал стоять на своем месте, «непоколебимый» и «слегка улыбающийся» и «светло, но пристально смотря на своих ненавистников». Обаяние его святой личности подействовало даже на них, или, как хорошо говорит Никита, «обитающая в Симеоне благодать удерживала их далеко и отбрасывала».

Можно предполагать, что и большинство монахов не приняло участия в бунте. Как бы то ни было, бунтовщики не посмели тронуть пр. Симеона, но после многого шума и крика выбежали «стремглав» из церкви, выломали запертые ворота монастыря и устремились через весь город в патриархию, куда и представили свои жалобы против игумна и просили о вмешательстве патриарха Сисинния (995–998). Патриарх, однако, после расследования, признал правым пр. Симеона и осудил бунтовщиков на изгнание из монастыря. Эта кара была, однако, вскоре отменена вследствие личного ходатайства пр. Симеона, который сделал все от него зависящее, чтобы вернуть всех недовольных. После этого пр. Симеон продолжал оставаться еще десять лет шумном св. Маманта. В 1005 г. он отказался от своей должности. Его игуменство продолжалось приблизительно двадцать пять лет.

В оценке результатов деятельности пр. Симеона, игумна, духовного наставника и преобразователя монашеской жизни, можно отметить некоторую двойственность и даже противоречивость. Ему, несомненно, удалось превратить маленький монастырь св. Маманта, находившийся в упадке и наполовину развалившийся, в значительный духовный центр, где процветала святость, отовсюду привлекавшая к себе христиан. Он привнес новую жизнь и создал духовное движение, которое в Православной Церкви имеет непреходящее значение. Но оно не было принято всеми и вызвало сопротивление и разделения. Его прекрасная духовная программа, выраженная во вступительном Слове «О любви», не могла быть осуществлена во всей цельности. Вместо того, чтобы вести всех своих духовных детей «во едином уме и в одном сердце» по пути любви Христовой, он должен был упорно бороться против бурной оппозиции. Сам будучи великим мистиком и получив от Бога изобильные благодатные дары, пр. Симеон пламенно желал, чтобы и другие также стали соучастниками тех же божественных дарований. Может быть, он был слишком нетерпелив, когда замечал, что не все были в состоянии за ним следовать. И действительно, для многих его духовный

путь видения Бога еще в настоящей жизни представлялся «бременем неудобноносимым».

Тем не менее, пр. Симеон Новый Богослов, духовный отец, полный любви, жертвующий собою для спасения своих детей, был и остается великим духовным обновителем. В его лице и в его деятельности созерцательное и мистическое течение православной духовности органически сочетается с общежительной и деятельной традицией. Его пламенная любовь и забота о спасении братии, его попечение сделать их участниками тех же даров благодати, которые он сам получил, не позволили ему выбрать и вести отшельническую и безмолвную «исихастскую» жизнь, но вынудили его проходить деятельный путь. Попечение о спасении других лежит в основе всех трудностей, встреченных им в качестве игумна. Это попечение и сделало его «неистовым ревнителем», как сам он говорит в выше цитированном Огласительном Слове.

3. Новый Богослов

Нам остается теперь рассказать о последнем периоде — жизни пр. Симеона, после бунта монахов и ухода от должности игумна монастыря св. Маманта. Никита Стифат, ученик пр. Симеона и автор его Жития, сильно настаивает на добровольном характере этой отставки. Духовное состояние монастырского братства, по его рассказу, достигло под руководством пр. Симеона высокого уровня, и глубокое согласие заняло место прежних раздоров. Монашеское стадо «стало другим собранием священных студитов в уставах и делах и в самой скромности и нравах или, лучше сказать, бесплотных ангелов, поющих разумно и служащих горячо Богу. Так расположенный и превзойдя таким образом низость своего тела, блаженный возрастал ежедневно, простираясь на лучшее, и возрастало благодаря ему стадо Христово посредством постригаемых им монахов».

При таком положении единственной причиной, которая могла бы толкнуть пр. Симеона на отказ от управления монастырем, могло быть его пламенное желание и любовь к духовному безмолвию. «Но его сильно огорчали, — продолжает свой рассказ Никита, — дела и забота о них, отрывая его от прекрасного и любимого безмолвия. Движимый Божественным Духом, он думает позаботиться по древнему обычаю об общежитии и о учениках и устроить впредь для себя пребывание вне беспокойств и наслаждаться снова, как и раньше, любимым безмолвием... Итак, с одобрения патриарха Сергия II (1001–1019), пр. Симеон добровольно отказывается от игуменства, а вместо себя поставляет игуменом своего ученика Арсения... способного пасти стадо Христово». Но сам остается, однако, в монастыре, смиренно подчиняясь новому игумену. «Самому же себе отделяет один угол». «От этого времени его ученик Арсений берет на себя заботы об общежитии, а пастырь и учитель всех в монастыре предается безмолвию наедине». Затем, согласно Никите, пр. Симеон произносит прекрасное наставление новому игумену и всем братьям монастыря, в котором научает их обязанностям монашеской жизни и послушанию настоятелю. Это поучение сохранилось в качестве 18-го Огласительного Слова пр. Симеона.

Вопреки этому оптимистическому свидетельству Никиты о духовном состоянии монастыря св. Маманта и о общем уважении, коим пользовался в это время пр. Симеон, дальнейшие события показали, что его личность и духовное учение продолжали встречать упорную оппозицию в церковных кругах Константинополя. На этот раз, однако, оспаривание пришло извне, со стороны высшей церковной иерархии в лице бывшего митрополита Никомидийского, синкелла Стефана. Вот как характеризует его Никита, не имевший к нему, однако, особой симпатии: «Был некий Стефан, председатель в митрополии Никомидийской, Стефан (сын) Алексины, муж, превосходящий многих словом и знанием, и сильный не только у патриарха и императора, но и способный дать всякому спрашивающему разрешение (трудностей) относительно новых вопросов, благодаря широте образования и благоподвижности языка. Он отказался от епископского престола по неясным

причинам, ведомым ему и Богу, и пребывал всегда с патриархом, и пользовался у всех большой известностью за свое знание».

Более того, это была политическая и даже дипломатическая личность, как можно видеть из того факта, что император Василий II послал его в 976 году в качестве своего представителя, чтобы убедить мятежного генерала Варду Склироса отказаться от мятежа. Он был выбран, по свидетельству летописца Кедрина, как «ловкий примирять и смягчать привлекательностью своих слов самые неукротимые натуры». (Впрочем, он не преуспел в своей миссии.) Что же касается его богословской учености, она была неоспорима, но весьма отлична от богословия пр. Симеона, и это было, вероятно, главной причиной их столкновения. Столкновения между книжным, схоластическим и оторванным от духовной жизни богословием, но тем не менее формально православным и консервативным, и богословием, сознающим себя выражением Божественного Духа, подчеркивающим непостижимость и тайну Бога, а также Его откровение в мистическом опыте святых, и отрицающим право говорить о Боге лицам, не обладающим Духом Святым. Богословием, всецело признающим авторитет Писания и Отцов, но для которого это внутренний авторитет, постигаемый только в свете Духа. Три Богословских Слова пр. Симеона, написанные в период споров между ним и Стефаном, хорошо отражают духовную атмосферу этого конфликта, хотя прямо о нем не говорят. Конфликта скорее духовного, чем догматического, и не выходящего из рамок Православия.

Для Никиты, однако, объяснение конфликта было более простое: это была зависть Стефана, который не мог вынести, что слава пр. Симеона как богослова была больше, чем его, несмотря на всю его ученость. Вот что, по убеждению Никиты, было первопричиной ссоры, возбуждаемой Стефаном против пр. Симеона. «Блаженный Симеон, — пишет Никита, — обладающий истинным ведением духовным, был любим всеми людьми тогдашнего времени, и наслаждались все и удивлялись его знанием, и он почитался всеми людьми не только как мудрый духом, но и как святой. Дошло это... до слуха упомянутого человека, а он, как много о себе думающий и выше всех других себя считающий, насмеялся над известностью святого и порицал тех, кто говорил о знании его, называя святого неучем и совершенным дикарем и невеждою, неспособным и слово пикнуть в присутствии мудрых людей, умеющих произносить тонкие суждения о ученых предметах». Случилось, что оба человека однажды встретились в патриархии, и синкелл Стефан воспользовался случаем, чтобы поставить пр. Симеону трудный богословский вопрос, надеясь поймать его в ловушку и таким образом выявить его невежество. «Немного времени прошло, — рассказывает Никита, — и святой встречается в верхнем этаже патриархии с синкеллом, и тот говорит ему, надев личину друга: «Здравствуй, благоговейнейший господин Симеон, знаменитый знанием вместе с благоговением и ученостью». И как пр. Симеон отвечает ему в том же тоне иронической вежливости, Стефан ставит ему вопрос: «Как скажи, разделяешь ты Сына от Отца, умственным различием или действительным?» Этим лукавым вопрошанием своим, — комментирует Никита, — он заранее приготовил так, что если тот что-нибудь скажет, предпочтет одно другому, так как вопрос имел двусторонние опасности, Симеон поскользнется, как якобы невежда, и вызовет против себя много осуждения и смеха, избалованный при первом же нападении, и его восхвалителям станет очевидно его невежество».

Но пр. Симеон не был человеком, которого легко поймать в ловушку. Ответив: «Вам, архиереям, было дано знать тайны Божий, о премудрейший владыко... Тебе поэтому следовало бы посвятить нас в тайну познания таких предметов», - он обещает синкеллу дать письменный ответ на следующий день. «Что мне должно ответить... (Бог) может мне дать благодатью Духа, когда я сам возвращусь в мою келью и письменно изложу, и пошлю тебе». Никита рассказывает далее, что пр. Симеон по возвращении к себе начал писать свой ответ и «разжегшись сердцем Божественным огнем... составив свой труд в свободных стихах по способу поэтов», разрешил трудности вопросов Стефана и послал ему свой ответ. Этот ответ пр. Симеона сохранился, это его 21-ый Гимн. Пр. Симеон опровергает в

нем сначала предпосылки вопроса Стефана, объясняя истинный смысл троических различий в Боге, неразделимом в Себе и едином по природе. «Бог, — говорит он, — сосуществующий по природе, предбезначальный с Богом собезначальным, Сыном и Словом, из Тебя рожденным, разделяемым от Тебя не умственным разделением, но действительным, причем Ты остаешься нераздельным. А если и разделяется, то не по природе, а скорее по ипостаси, то есть Лицу, потому что (говорить) «действительным разделением» свойственно нечестивцам и безбожникам, а «умственным разделением» всецело омраченным. Ибо Ум обладает рождаемым Словом, непрестанно всячески и неким образом отделенным. А если Он рождается и происходит подлинно, и отделен ипостасным Словом, но остается внутри Родившего, что следует мыслить Отческим Лоном, и исходит во весь мир и все наполняет всецело без Отца и Сам весь пребывает со Отцом. Во всяком случае Он приобщается Своими действиями и мыслится как приходящий осиянием».

Пр. Симеон не ограничивается, однако, этим, совершенно православным, изложением троичного догмата о единстве Божественной природы, ипостасных различиях и «энергиях», которыми Бог обнаруживает Себя, но, увлеченный вдохновением, посвящает большую часть своего письма полемике против тех, кто, как, по его мнению, синкелл, смеют богословствовать, не обладая Духом Божиим. Пр. Симеон пишет, что «Всесвятой Дух, исшедший неизреченно от Отца, был послан через Сына людям, ни неверным, ни любящим славу, ни ораторам, ни философам, ни изучающим эллинские сочинения, ни не знающим наши Писания, ни тем, кто выступал на сцене жизни, ни говорящим изошренно и обильно, ни получившим великие имена, ни тем, кому случилось быть любимыми прославленными людьми». — (намек на синкелла совершенно ясны). — «...но бедным духом и жизнью, чистым сердцем и телом, стяжавшим простое слово и более простую жизнь, и еще более простой образ мысли». Только Духом Святым, а не при помощи науки, приобретает познание Св. Троицы. «Таковые, — говорит он, — имеющие учителем Духа, не нуждаются в научении от людей, но, освещаемые Его светом, видят Сына, созерцают Отца и поклоняются Троице в Лицах, единому Богу, неизреченно соединяемому по природе». Более того, синкелл, видимо, не знает, как видно из его вопросов, что «тварь не может понять Создателя». И пр. Симеон обращается к митрополиту Стефану со следующим патетическим призывом: «Прекрати, человече, содрогнись, смертный по природе, и помысли, что, несуществующий, ты был произведен в бытие... Взыщи Духа, будь вне мира!.. Может, Бог будет умолен и даст, как прежде дал видеть мир и солнце, и дневной свет, так и теперь удостоит осиять и указать тебе умный мир, и осветить тебя трисолнечным светом».

Неудивительно, что такой ответ пр. Симеона глубоко не понравился синкеллу Стефану и рассердил его, тем более что пр. Симеон пишет о вопросах, на которые синкелл не просил его отвечать, и считает для себя дозволенным учить синкелла духовной жизни. Во всяком случае, именно пр. Симеон углубил конфликт и, сверх вопросов личного характера, выявил истинную природу столкновения между двумя типами богословия и понимания духовной жизни. Итак, началась долгая война между митр. Стефаном и пр. Симеоном. Она продолжалась приблизительно шесть лет и закончилась 3 января 1009 года изгнанием пр. Симеона из монастыря.

Как можно заключить из этих дат, трения между синкеллом и пр. Симеоном должны были начаться за два года до отставки последнего от игуменства и, вероятно, повлияли на его решение. Не имея причин напасть на пр. Симеона ни на догматическом, ни на нравственном уровне, синкелл Стефан избрал в качестве предлога для своего враждебного вмешательства тот факт, что пр. Симеон, по своему личному почину, с большой торжественностью праздновал в монастыре память своего покойного духовного отца (скончавшегося около 986–987 г.), который еще не был официально признан Церковью святым. Само по себе это обстоятельство не было столь необычным, как может показаться нам, так как официальная канонизация святых была еще мало известна, во всяком случае не обязательна в ту эпоху. Признание святости было обыкновенно простым следствием

существующего народного почитания. Как бы то ни было, патриарх Сергей II, услышав об этих празднествах, «послал за святым и расспросил его о том, что слышал». Но, получив от пр. Симеона сведения о жизни и писаниях его духовного отца, одобрил празднование его памяти в монастыре. «С большими похвалами (патриарх) отпустил (пр. Симеона), побудив его напоминать ему во время празднования памяти (его) отца, так чтобы и он мог бы предоставить восковые свечи и благоухания и тем выразить свое почитание святого. Это происходило в течение шестнадцати лет». Однако, Стефан начал нападать на личность Симеона Благоговейного, подвергая сомнению его святость и клеветая на него, как на грешника.

Стефан нашел сочувствующих при патриаршем дворе и даже среди некоторых монахов Св. Маманта — доказательство того, что он не был одиночкой в церковной иерархии и что разделения продолжали существовать в монастыре пр. Симеона. «Затем, — рассказывает Никита, — (Стефан) воздвигает неких церковных людей, а они — других из ограды пр. Симеона, и принуждает их вопиать против него за почитание и торжества духовному отцу. Итак, они вопияли и говорили беззаконие против праведника, а он (Стефан) воздвигал свои уста на небо, и язык его дошел до слуха архиерея, а он говорил неправду в высоту святого синода». Однако, как рассказывает Никита, «патриарх и архиереи святого синода затыкали уши в течение двух лет, не давая завистливому голосу места для входа, потому что им было стыдно выразить порицание самим себе, так как одни из них благоуханиями и свечами ежегодно воздавали честь святому, а большинство из них по своей воле приходили на праздник отца». «Таким образом, как обстояли дела, происходило некое сражение между истиной и ложью», но, в конце концов, «зло победило».

«Непрерывностью своей клеветы синкелл надоел патриарху и архиереям... и они настаивают, чтобы он дал какой-нибудь предлог для обвинения против святого, так чтобы приговор против него, которого тот добивался, не был лишен основания». Синкелл Стефан нашел его в некоторых чертах духовности Симеона Благоговейного, о которых мы будем говорить более подробно в нашей главе о бесстрастии. Вот что пишет Никита в Житии: «(Симеон Благоговейный), предварительно умертвив крайним бесстрастием плоть, еще при жизни совершенно увядил природные ее движения и, как мертвец по отношению к мертвецу, имея чувство к приближающимся к нему телам, надевал личину чувственности, прежде всего желая скрыть свое сокровище бесстрастия... далее чтобы вытащить из глубины погибели некоторых... долу лежащих, незаметным образом этой приманкой... Синкелл ухватывается за этот способ чудной ловли, как за предлог для благовидного обвинения, и выдвигает его в синоде, говоря: «Своего духовного отца, сущего грешника, он воспеваает как святого вместе со святыми!» Пр. Симеона вновь вызывают в синод, где патриарх, хотя и одобряя его деятельность, требует, чтобы тот отказался, дабы успокоить синкелла, надоедавшего ему своими обвинениями против его духовного отца, не праздновать его память с такой торжественностью и совершать ее только с монахами.

В длинной речи пр. Симеон защищает память своего духовного отца и, основываясь на Писании и на отцах, говорит о долге почитать святых и тех, кто породил нас духовно. Поэтому он отказывается повиноваться, так как всякое уменьшение почитания духовного отца равнялось бы отречению от него. Начался процесс. «Целых шесть лет, — пишет Никита, — (синкелл) таскал праведника по судам... и так как он восставил против праведника почти всех архиереев и самого, что не должно было бы быть, патриарха сделал его врагом, а были также и из монастыря Симеона дьяволы, болевшие против учителя неистовством Иуды; осмелевшие поддержкою самого патриарха и синкелла, они крадут в одну из ночей икону святого отца его Симеона... и приносят ее в патриархию». Пр. Симеона снова силою приводят в патриархию, где он защищается, цитируя слова пр. Иоанна Дамаскина о почитании икон. Синкелл «убеждает патриарха и архиереев святого синода выскоблить по крайней мере надпись со святой иконы, а именно: Святой (Симеон). Что и совершивши, они немного приостанавливают его

ярость. И таким образом снова судилище расходится, после того как икона была возвращена Симеону».

Преследование, однако, на этом не останавливается: «(Синкелл), смутив патриарха клеветами против этих святых, убеждает его, чего не должно было бы быть, послать уничтожить все святые иконы этого великого отца, где только они были изображены». «Тотчас же, — продолжает свой рассказ Никита, — посылаются люди, дерзнувшие на это ужасное дело... и топором уничтожают убийственной рукою иконы преподобного отца, один раз бия в неудержимой ярости иконы по главе, другой раз по груди, иногда по животу, или по бедрам, и не ранее останавливаются бить, прежде чем превращают их в пыль. А другие иконы, покрыв сверху сажей и известью, скрывают из вида, в то время как видевшие это монахи и миряне страстно рыдали о совершаемом христианами посреди церкви верных... и не могли обороняться против виновных в такого рода действиях из-за общего с ними имени веры».

На этот раз пр. Симеон признает необходимость защищаться письменно. «Он набрасывает первую апологию... всего себя приготовив на смерть за доброе дело. Немного времени, и снова мой Симеон приводится от места своих подвигов на судилище. Сражение словами вновь начинается, очень сходное с прежним». Апология пр. Симеона, как нас осведомляет Никита, «читалась посреди святого синода достаточно часов... (епископы), не будучи в состоянии... ослабить силу его слова, встали со своих тронов, с языками, связанными безгласием, заочно осуждают праведника и приговаривают к изгнанию». Приговор патриарха и синода был быстро приведен в исполнение. 3 января 1009 г., как мы уже сказали, «переплывши Пропонтиду близ нашего Хрисополя, увозившие блаженного причаляли свое суденышко у некоего селения, называемого Палукитон, а он не имел с собою никаких совершенно вещей, время же было зимнее. И в пустынном месте, где стоит колонна осужденного дельфина, оставляют святого, покинув его совершенно одного и даже не удостоивши его пищи на один день, эти несочувствующие люди!»

Никита рассказывает, что первое, что сделал пр. Симеон «на этом обрывистом холме», он возблагодарил Бога, с радостью за все, что ему пришлось перенести. Далее, «сошедши на подошву холма и найдя там развалины молитвенного дома имени святой Марины, он вошел в него и воздал Богу молитвы девятого часа. Затем, отдавшись сначала маленькому отдыху, он угощает друга синкелла, как ученик Христов, следующим письмом», текст которого Никита воспроизводит. Чтобы сказать правду, под видом смирения и благодарности, оно имеет скорее саркастический характер. Так, во всяком случае, понял его синкелл и, чтобы отомстить, убедил патриарха приказать произвести обыск в монастыре пр. Симеона, чтобы найти там — как объясняет Никита — крупные суммы денег и другие ценности, посредством которых пр. Симеон совершал празднества в честь своего духовного отца. Может быть также, как нам кажется, синкелл искал рукописи пр. Симеона, которые хотел бы конфисковать. Как бы то ни было, служители синкелла ворвались в монастырь св. Маманта, ломая все и захватывая книги и одежды пр. Симеона, не найдя, однако, никакого сокровища. Пр. Симеон пишет тогда синкеллу второе письмо, в том же духе иронической благодарности, в котором упоминает, что вот уже семь лет, как он терпит его преследования. Вместе с тем, он умоляет Христа, «свет мира», даровать ему видеть Его, «имеющему сердце наполненное злами жизни из-за многих скорбей и зависти, причиняемых виновниками моего изгнания или, лучше сказать, моими благодетелями, моими владыками, моими настоящими друзьями, которым вместо злых дай, о мой Христос, благая, вечная, богатая и Божественная».

Пр. Симеон не падает духом от случившегося. Он получает в подарок от своего духовного сына, Христофора Фагуры, молитвенный дом св. Марины, принадлежавший последнему, и устраивает там с его помощью маленький монастырь, где пребывает вместе с одним из своих учеников, последовавшим за ним в изгнание. С другой стороны, многочисленные ученики и почитатели пр.

Симеона в столице пришли в волнение. Пр. Симеон послал тогда патриарху книжку, которая была отнесена ему сенатором Генесием, духовным сыном пр. Симеона. Книжка была прочитана на одном из заседаний синода, и патриарх, имевший во всем этом деле слабую и непостоянную позицию или, скорее, потому что он искал прежде всего мира в Церкви, согласился пересмотреть процесс пр. Симеона. Он также считался с общественным мнением. «(Патриарх), взирая на многочисленных и знаменитых людей, пришедших к нему, и уважая их известность, а также опасаясь, что подробности всего дела дойдут до императора и все закончится сильным для него порицанием, повелевает, чтобы (книжка) была прочитана в синоде... По окончании чтения написанного патриарх говорит властям и ученикам святого: «Что касается меня, преславные, у меня никогда не было дурного подозрения против господина Симеона... Но я не знаю, откуда и какое возникло разногласие между ним и синкеллом, и он выдвигал против него и его отца несметное множество обвинений... А то, что он пострадал с нашей стороны, так он это... пострадал не как ошибавшийся в догматах Церкви, но так как держался неизменно своей цели и, почитая отца, не переставал праздновать с блеском, а его обвинители волновались и ежедневно стужали нам, поэтому я удалил его из монастыря и из города. Теперь же, если он желает и послушается моих слов, он вновь станет господином своего монастыря, и я его рукоположу, с соизволения всего священного синода, архиереем в одной из высоких митрополий».

Итак, пр. Симеон был вызван из своего изгнания и встречен в Константинополе толпою почитателей, которые проводили его к патриарху. Патриарх принял его с честью и, намекая о своем намерении возвести его в сан епископа, посоветовал ему вместе с тем больше умеренности. «Возвратись снова в твою обитель, — сказал он, — где ты положил много трудов, а относительно празднования преставления твоего отца и мы не препятствуем. Однако мы убеждаем тебя ослабить немного блеск многодневных твоих торжеств и праздновать с одними подчиненными тебе монахами и с приходящими со стороны вплоть до того времени, когда движимые против тебя завистью или прекратят (свои действия), или перестанут жить и не будут в настоящей жизни. И тогда ты будешь поступать, как тебе угодно и как нравится Богу». Но пр. Симеон категорически отказался уступить настояниям патриарха, оправдываясь при этом, что не он начал этот спор с синкеллом. «Нет, — сказал он, — ничто не отделит меня... от любви к моему Христу и к моему духовному отцу. Потому что с тех пор, как я доверил всю заботу игуменства моему ученику Арсению и рассудил, чтобы он вместо меня стоял бы во главе братии, я всецело, находясь там, стал вне дел и моих трудов... И так как я из-за правды был изгнан... я больше другой раз не вернусь туда, пока нахожусь в живых». «Когда патриарх, вопреки всем ожиданиям, услышал это, — продолжает Никита, — он сказал: «Действительно ты Студит отцелюбивый, господин Симеон, и ты имеешь их упорство, может быть заслуживающее похвалы, если оно законное». Поэтому (патриарх) кратко высказал свое постановление: «Я говорил, что несколько обрежу твое большое упорство в этом деле, но так как ты все тот же еще и несколько не изменился, но остаешься недвижимым по отношению к почитанию твоего духовного отца и в верности ему, это кажется мне и всем похвальным и законным, но во всяком случае ты показал себя не повинующимся нашим словам. Отныне находишься где тебе угодно, общаясь то есть со своими учениками и поступая по твоему хотению, не возбраняемый с нашей стороны, вне ли или в этом городе торжественно празднуя и радуясь вместе с друзьями». Сказав так, он отпустил их в мире».

На этом компромиссе, впрочем довольно выгодном для пр. Симеона, закончился около 1010–1011 годов его конфликт с синкеллом Стефаном. Мы кратко описали его на основании рассказов Никиты в его Житии пр. Симеона, написанном приблизительно через полвека после событий. Никита, впрочем, не является прямым свидетелем, хотя и правдив на свой лад, так как в момент изгнания пр. Симеона ему было менее десяти лет. Тем более интересно и важно дополнить рассказ Никиты тем, что пишет сам пр. Симеон, как он понимает и толкует смысл своей борьбы с синкеллом и его сторонниками. Нужно, однако, прежде всего сказать, что за исключением 21-го Гимна, о котором мы

уже говорили, пр. Симеон в своих писаниях прямо не упоминает конкретные события этого конфликта, как например, инцидент с иконою своего духовного отца и т. д., но указывает на глубокие его причины, относящиеся к различиям в понимании христианской жизни и к его попыткам обновить ее. В этом смысле 4-ое Послание, написанное в период духовной борьбы, особенно богато сведениями. Из него видно, что сам пр. Симеон хорошо сознавал, что он ненавидим и преследуем за учение о духовной жизни. «Но увы, — пишет он, — потому что я говорю об этом (о жизни по заповедям) и проповедую путь спасения, отводящий без блуждания в царство Божие, я подвергаюсь расследованиям и осуждаюсь, порицаюсь как нечистый, всеми людьми, не только мирскими, но и монахами и священниками, и архиереями, из одного подозрения и диавольского действия, производимого сыновьями непослушания, на отчаяние и погибель избирающих жить благочестиво, я ненавидим даром и перемалываюсь их зубами».

Намеки на процесс пр. Симеона, на клеветы против его духовного отца ясны в этом тексте, но пр. Симеон придает конфликту более широкий смысл. Ненависть против учения пр. Симеона так сильна, что он может объяснить ее только диавольским действием, хотя без сотрудничества людей бесы бессильны. «Вот я, — пишет он, — как наученный самим опытом, говорю, что если бесы не имели бы сотрудниками своей злобы и лукавства людей, никоим образом, хотя это и смело утверждать, не могли бы они повредить кому-нибудь или удалить от заповеди Божией тех, кто возродился святым крещением и таинственно стал сыном Божиим». Пр. Симеон резко нападает на своих гонителей за недостаток духовности: «Одержимые тщеславием и гордостью, — пишет он, — и воображающие быть чем-то, будучи ничем, они делают себя отцами и учителями и считают себя саморукоположенными апостолами, не получившие ни благодати Святого Духа, как те, ни просвещенные светом познания, ни видевшие проповедуемого ими Бога, открывшегося им (апостолам) по Своему неложному обещанию».

Пиша эти строки, пр. Симеон, вероятно, должен был иметь в виду епископов, как синкелл Стефан. Более важно, однако, утверждение, что нужно увидеть Бога, чтобы Его проповедовать. И пр. Симеон обращается к получателю послания, несомненно, епископу, поскольку он называет его «одним из саморукоположенных учителей и присвоивших себе апостольское достоинство без благодати свыше», с просьбою молиться о нем, обвиненном в ереси, потому что он почитает своего духовного отца. «Молись о мне грешном, — пишет он, — ненавидимом за Христа, гонимом за желание мое благочестиво жить во Христе, осуждаемом всеми, потому что один я нахожусь чтущим своего духовного отца и учителя, провозглашаемого ими еретиком, потому что я учу всех взysкивать благодать свыше и сознательное наитие Святого Духа и что без него ни прощение грехов, ни отчуждение от страстей и похотей, ни честь сыноположения, ни освящение совсем не бывают никому никоим образом из смертных». Трудно выразить более ясно существенные черты духовного учения пр. Симеона и сказать вместе с тем, что составляло главную тему спора. Само собой разумеется, противная партия также имела свои позиции, которые считала традиционными и реалистическими и которые состояли главным образом в утверждении, что наша эпоха совершенно отлична от апостольской, что невозможно сейчас подражать апостольской святости и что тот, кто этому учит, гордец или сумасшедший.

В Послании пр. Симеон довольно объективно воспроизводит аргументы своих противников и затем их опровергает. «Он говорит, — пишет он, — что «одно — дела апостолов, а другое — наши. Иначе возлюбил и помиловал их (апостолов) Бог, удостоив их Духа Святого и великих дарований, а иначе расположен к нам. Ибо едва только, — говорит он, — нам кающимся и злострадающим, и плачущим (Бог) прощение дает во грехах и спасает, потому что стать, как те или как наши святые отцы, нам теперь невозможно». И сверх этого он говорит, что это не только невозможно, но и смеющих говорить, что это возможно, называет гордыми и хульниками, на которых не должно обращать внимания и совсем не слушать их, но повелевает избегать их». Для пр. Симеона подобные

представления о христианской жизни являлись грубым извращением Евангелия, и он считал себя призванным бороться против тех, кто проповедует такие взгляды, с целью восстановить истинно евангельскую жизнь, утраченную в течение веков. «И так как я это говорю, — заключает пр. Симеон Послание, — провозглашаю, что таковым стал во Святом Духе мой отец, я осуждаюсь как гордец и хульник всеми, потому что диавол воздвигает против нас своих (слуг) и воюет, чтобы остановить нас повторять (учение) Евангелия и апостолов Христовых словами и исполнять делами, и стремиться обновить как бы обветшавший и почерневший образ евангельской жизни». Таким образом, не только идеал евангельской жизни, но и борьба за ее восстановление является, по пр. Симеону, источником конфликта.

Устроившись окончательно на месте своего изгнания, на этот раз добровольного, пр. Симеон заканчивает реконструкцию обители св. Марины, собирает там свое «весьма малое стадо», покупает при помощи друзей подворье монастыря Евгения и продолжает торжественно праздновать память своего духовного отца. «Почти все духовенство Великой Церкви Христовой (Св. Софии Константинопольской) и многие из монашествующих и мирян» приходили, чтобы принять участие в этих празднествах. В этот период жизни пр. Симеон написал большую часть своих Гимнов, которые начал составлять, еще будучи молодым монахом в монастыре св. Маманта. «Его язык становится огненным языком и он богословствует «Любовные излияния Божественных Гимнов», и против воли обнаруживает насильственным дуновением Духа то, что видел в божественном откровении, и то, что созерцал, будучи в сверхъестественных видениях... Он излагает, кроме того, и свои апологетические и полемические Слова, столь сильные, и сильно, в силе мудрости, противопоставляет их своим противникам».

Его известность как харизматика, как человека, наделенного даром пророчества и чудотворения, распространялась все более и более и привлекала к нему многих. Никита много пишет об этом в Житии пр. Симеона. В его внешности не было ничего сурового. «Хриstopодражательно благодоступный всем, мужчинам, женщинам, детям, старикам, молодым, чужим, знакомым, всякому человеку, он входил, по обыкновению... опираясь на свой посох, спокойною и тихою походкою». Несмотря на преклонный возраст, он отправился посетить свою родину и отчий дом. Сохранилось описание его последней болезни — рассказ его ученика Никифора Никите, который воспроизводит его в Житии. «Когда исполнилось для святого время настоящей жизни и число дней его и их предел стал известен ему, он охватывается последнею болезнью и постель принимает его болящего. Болезнь эта была истечение желудка, истощающее его сущность и разделяющее на каждое связи соединенных стихий. Лежал таким образом блаженный немало дней, одержимый болезнью, и терял силы, иставивал плотию и ослабевал связями. Его плоть была настолько иссушена болезнью, что он не мог сделать движение сам собою, если мы ему прежде не подавали руку помощи и при помощи некоего приспособления переворачивали сюда и туда. Итак, он находился в таком состоянии, и мы его носили, когда природа принуждала к естественной потребности». Тот же Никифор рассказывает Никите, как проснувшись однажды ночью, он увидел святого, «которого мы едва при помощи некой машины, сюда и туда передвигая, переворачивали на постели, обессиленного болезнью... висающим в воздухе кельи, на четыре локтя от земли или даже более, и молящимся своему Богу в неизреченном свете».

После тринадцати лет жизни в изгнании, 12 марта 1022 года, пр. Симеон скончался, предсказав, как рассказывает Никита, день своей кончины и перенесение его останков тридцать лет спустя. «Что вы меня оплакиваете, — сказал пр. Симеон окружающим его, — в пятый индиктион вы меня, умершего, покроете гробом и в пятый же индиктион вы меня снова увидите, выходящего из гроба и пребывающего с вами, меня любящими». «И когда наступил определенный (заранее) день 12 марта, приснопамятный, причастившись пречистых Христовых тайн, как у него был обычай, ежедневно, и аминь сказав, повелел своим ученикам петь надгробные песнопения. Так они пели с возженными

светильниками и слезящимися глазами... Посредине песнопения, скрестив руки и всего себя почтительно собрав и «В руки Твои, Христе Царю, предаю мой дух» тихо и спокойно сказав, прославленный и многострадальный подвижник Христов, радуясь, изшел из терпеливого и многострадального своего тела... и отошел ко Господу... Прилагается таким образом к праведникам праведник, преподобный к преподобным, к богословам богослов, священномученик и исповедник и великий учитель Церкви Христовой к исповедникам и учителям и священномученикам в подвигах исповедания и исцеления». Так рассказывает Никита, который вполне мог присутствовать при смерти пр. Симеона, ему было тогда немного меньше двадцати лет и он часто его посещал.

Пр. Симеон умер в возрасте семидесяти трех лет. Тот же Никита рассказывает, как произошло перенесение мощей пр. Симеона: «Когда прошли тридцать лет после кончины этого приснопамятного отца, предвозвещается по его пророчеству перенесение его священных останков знаком, неизреченным образом запечатленным... Таким образом, когда окончился пятый индикт, в 6560 (= 1052) году, переносятся неожиданно его (полные) всякой благодати и благоухания и над землею светящиеся мощи, созывающие многих и своим присутствием освящающие его друзей и учеников».

В последний период своей жизни пр. Симеон выявляет себя прежде всего обновителем христианской жизни, которая в константинопольской церкви тех времен пришла в упадок, и большим мистическим писателем, раскрывающим в Гимнах, с неслыханной до него откровенностью, свою внутреннюю жизнь, жизнь с Богом. Вместе с тем, мы видим в нем неумолимого религиозного борца, агрессивного даже, до неприемлемости заострявшего свои утверждения, когда противники вынуждали его на это, но в действительности только защищавшегося от тех, кто нападал на путь, им избранный и которому он учил всех. Всегда верный Священному Писанию, обширным и глубоким знатоком которого он был и которое толковал Духом, буквально и одновременно свободно, пр. Симеон был также верен, вплоть до непослушания и восстания против высших сановников церковных, памяти своего духовного отца, Симеона Благоговейного, святость которого была для него доказательством подлинности его собственного духовного опыта. Однако, его многократные напоминания, что христианский идеал сознательного единения с Богом еще в настоящей жизни осуществим в наше время, как и в апостольские времена, вызвали резкие столкновения с частью монахов и иерархии, равно как и значительный резонанс в обществе. Нужно, однако, отметить, что пр. Симеон никогда, или почти никогда, не был обвиняем в ереси, еще менее в мессалианстве или какой-нибудь известной древней ереси. В кругах церковной иерархии предпочитали ограничить конфликт дисциплинарным нестроением, опасаясь смут, которые шумное празднование памяти Симеона Благоговейного могло вызвать в народе.

С другой стороны, если у пр. Симеона было много врагов, то еще больше у него было почитателей и учеников, энергично его поддерживавших. Их вмешательство решительно повлияло на благоприятный для пр. Симеона исход борьбы. Короче, обновитель духовной жизни и подлинный мистик, достигший вершин единения с Богом, пр. Симеон по справедливости заслужил прозвание Нового Богослова. Оно, может быть, сначала было ему дано противниками, в уничижительном смысле, как неприемлемое для слуха консервативных византийцев, но его с воодушевлением подхватили ученики пр. Симеона, причем выражение «богослов» понималось ими, как и у большинства греческих святых отцов, не в смысле догматического богословия, выдумывающего новые догматы, но как относящееся к лицу, достигшему вершин созерцания. А прилагательное «новый» означает здесь обновителя апостольской жизни, которая, как он сам говорит, была в значительной степени забыта. Православная Церковь, не разделяя некоторых особенностей и даже, может быть, преувеличений в учении пр. Симеона Нового Богослова, с любовью чтит его святость и вдохновляется его духовными наставлениями, живительными и по сей день.